

Э. Г. ТУМАНЯН

ПРЕВРАЩЕНИЕ АРТИКЛЯ В ФЛЕКСИЮ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В НОВОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о путях и средствах образования грамматических форм и их значений представляет большой научный интерес. Грамматический строй языка, правда, медленно, но все же меняется, совершенствуется, одни формы сменяются другими, старые формы получают новое значение, осмысливаются по-новому.

Благодаря тому, что грамматический строй языка изменяется очень медленно, процесс образования тех или иных грамматических форм и их значений с трудом поддается изучению. Этим объясняется и тот факт, что грамматический строй языка лишь на первый взгляд кажется сформировавшимся и завершенным. При более же детальном изучении грамматического строя того или иного языка обнаруживается, что в ряде случаев образование грамматических форм и их значений представляет собой процесс незавершенный — процесс, находящийся в стадии своего становления. Именно такие случаи являются наиболее интересными для исследования. К одним из таких незавершенных, находящихся в стадии своего становления процессов можно отнести в новоармянском языке процесс превращения определенного постпозитивного артикля в флексию дательного падежа.

В армянском языке существует развитая категория постпозитивных артиклей. Определенный артикль (или член) армянского языка *n* (или *ə*, что по значению одно и то же) произошел из указательного местоимения *aun* «тот» (лат. *ille*). Он представляет собой частицу, которая присоединяется к концу имени и определяет его. (В этом отношении некоторую аналогию представляют постпозитивные члены в болгарском языке). При склонении имен в армянском языке определенный артикль присоединяется к падежной флексии: *mard* «человек вообще», *mard-n* «определенный человек», *mard-u-n* «определенному человеку». В употреблении определенного артикля в армянском языке есть много общего с употреблением артиклей в других индоевропейских языках, однако существуют и некоторые различия.

Уже древнеармянский язык обладал развитой категорией постпозитивных артиклей. Эти артикли употребляются и в многочисленных живых диалектах армянского языка. Но употребление определенного артикля в новоармянском литературном языке имеет ту особенность, что этот артикль никогда не присоединяется к имени существительному, стоящему в родительном падеже¹. Между тем в древнеармянском языке существительное в родительном падеже, будучи определенным, могло получить определен-

¹ Исключения составляют те случаи, когда имя в родительном падеже принимает два определенных артикли, например, *kho-n-ə* (нем. *der deine*).

ный артикль: *Bayē darjēukh andrēn i ver, patmelov yağags paterazmin Va-ğaršakay and pontaçis* «Но вернемся снова и расскажем о войне Вагаршака с понтийцами»¹.

Определенный артикль сохранен в родительном падеже и во многих диалектах армянского языка. «Одной из особенностей склонения существительных (в армянском языке. — Э. Т.) является еще и то, — пишет проф. А. С. Гарибян, — что родительный падеж некоторых диалектов получает определенный артикль, в то время как литературный язык его не имеет. Например, в константинопольском и других западных диалектах — *cařin tak* (буквально: «низ дерева»), в карабахском диалекте — *cařin takə* «низ дерева» или «под деревом»². Да и в литературном языке еще в конце XIX в. можно было найти отдельные случаи употребления определенного артикля в родительном падеже: *aleworin patiwa* «честь старика», *Xikarin hayrə* «отец Хикара»³.

Возникает вопрос, почему определенный артикль у существительных в родительном падеже новоармянского литературного языка полностью исчез? Проблема его исчезновения не являлась темой специального исследования, хотя отдельные авторы и высказывались по этому поводу, о чем будет сказано ниже. В процессе изучения категории артиклей армянского языка мы натолкнулись на ряд фактов, которые помогли нам установить определенную точку зрения на этот вопрос.

Остановимся прежде всего на морфологии самих падежей новоармянского языка. В последнем существует семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, отложительный, творительный и местный. Как и в латинском языке, типы склонений имен определяются по окончаниям родительного падежа. Именительный падеж особых окончаний не имеет. Винительный падеж сходен или с именительным, или с дательным. Отложительный, творительный и местный падежи каждый имеет свою особую флексию, что же касается родительного и дательного, то они по форме абсолютно тождественны.

Единственное число

Им. пад. *matit* «карандаш»

Род. пад. *matit-i*

Дат. пад. *matit-i*

Вин. пад. *matit* (или *matiti*)

Отложит. пад. *matit-iç*

Творит. пад. *matit-ov*

Местн. пад. *matit-um*

Абсолютная тождественность двух форм для разных значений, которые выражают родительный и дательный падежи в именном склонении, существовала и в древнеармянском языке, а также может быть отмечена и в диалектах армянского языка⁴. Оставляя в стороне вопрос о генезисе этого формального совпадения родительного и дательного падежей в армянском

¹ Моисей Хоренский, История Армении, Тифлис, 1913, стр. 105 [на древнеарм. языке].

² А. Гарибян, Методика преподавания армянского языка, Ереван, 1947, стр. 368 [на арм. языке].

³ А. Багатрянц, Книга басен, Шуша, 1886, стр. 8, 9 [на арм. языке].

⁴ Факт вытеснения дательного падежа и замены его родительным известен и в древнеперсидском языке (см. F. Müller, Beiträge zur Declination des armenischen Nomens, Wien, 1864, стр. 4 («Sitzungsberichte der philosoph.-hist. Cl. der Akad. der Wissenschaften», Wien, 1863, Dec.), а также и в новогреческом. Любопытно, что С. Бутте это наличие падежноосинкретизма в древнеармянском языке рассматривал в качестве одного из доказательств родства армянского языка с этрусским (см. S. Bugge, Etruskisch und Armenisch, стр. 16—17).

языке, отметим только, что явление это относится, повидимому, еще к эпохе задолго до появления армянской письменности, поскольку оно касается как древнеармянского языка, так и диалектов¹.

Новоармянский литературный язык (так называемый «восточный ашхарабар») ² унаследовал, как было сказано выше, эту особенность падежей. Однако совпадение форм родительного и дательного падежей, сопряженное с рядом неудобств, постепенно привело в новоармянском литературном языке к тенденции каким-то образом сделать их, во избежание двусмысленности, так или иначе отличными друг от друга. Для удовлетворения этой потребности был использован определенный артикль *n* в качестве своеобразной флексии дательного падежа, чему способствовало и то обстоятельство, что определенный артикль в армянском языке присоединяется к концу имени, после падежных флексий.

Произошло некоторое переосмысление, вернее, расширение функции определенного артикля, в результате чего в новоармянском литературном языке родительный падеж полностью потерял определенный артикль, а в дательном падеже, наоборот, его употребление участилось настолько, что он ставится даже тогда, когда существительное заведомо неопределенно по своему значению. Например: *Seṭani vra phṛvac'ēr makhur sphōc' ew nra vra, mec vazi mef ... karmir u mec xñjornerin xaṭə ɟor mger* «Стол был накрыт чистой скатертью и на нем в большой вазе лежали смешанные с большими красными яблоками сухие фрукты» (Кочар. Бремена). В этом примере существительное *яблоки* стоит в дательном падеже и употреблено с определенным артиклем, хотя заведомо ясно, что оно неопределенно, точно так же, как и существительные *скатерть* и *фрукты*, которые стоят в других падежах и без определенного артикля.

Так постепенно в новоармянском языке определенный артикль *n* начинает закрепляться за дательным падежом в качестве падежной флексии, с одной стороны, с другой же стороны, он совершенно перестает употребляться с родительным падежом. Процессу закрепления определенного артикля за дательным падежом в качестве падежной флексии способствует еще и то обстоятельство, что в новоармянском литературном языке определенный артикль стали терять и последние три падежа, а именно: отложительный, творительный и местный, каждый из которых имеет отдельную, собственную падежную флексию (см. парадигму на стр. 95). В настоящее время эти три падежа в литературном языке уже очень редко употребляются с определенным артиклем. (В диалектах, однако, определенный артикль в отложительном, творительном и местном падежах употребителен.)

Таким образом, фактически определенный артикль в новоармянском литературном языке употребляется с тремя падежами, а именно: с именительным, винительным и дательным. Это дает возможность ярче оттенить его значение в качестве флексии для дательного падежа, тем более, что остальные падежи оказываются так или иначе оформленными (см. парадигму на стр. 95).

Факты эти не остались незамеченными исследователями армянского языка, однако более или менее серьезных попыток осветить данное чрезвычайно любопытное явление на основании фактического материала до сих пор не было сделано. Интересное замечание делает проф. М. Абегиан по во-

¹ Отдельные слова, а также местоимения в родительном-дательном падежах древнеармянского языка имели разные формы, а местоимения и сейчас отличаются по форме в этих падежах.

² Существует еще и «западный ашхарабар», под которым подразумевается литературный язык, сформировавшийся на основе другого диалекта. В западном ашхарабаре родительный падеж может принять определенный артикль.

просу о родительном-дательном падежах новоармянского языка: «... Формальное различие родительного и дательного падежей, которое еще есть в старом языке (грабаре. — Э. Т.) для определенного количества слов, в ашхарабаре¹ совершенно исчезло, и образовался один общий родительно-дательный падеж, фактически один дательный падеж, употребление которого расширено функцией родительного падежа, т. е. падеж этот б е з а р т и к л я (разрядка моя. — Э. Т.) употребляется также и в качестве определения в родительном падеже»².

Проф. М. Абегиан считает, что в новоармянском языке нет родительного падежа, а его функцию выполняет дательный падеж. Однако при этом он делает весьма существенную оговорку, а именно, что дательный падеж может иметь значение родительного падежа только тогда, когда он употребляется без определенного артикля. А из этого мы можем сделать вывод, что дательный падеж без определенного артикля осознается как родительный, и, наоборот, если к родительному падежу прибавить определенный артикль, то он воспринимается как дательный. Проф. М. Абегиан, отвергая наличие родительного падежа в новоармянском литературном языке по той причине, что он формально не отличается от дательного, упустил из вида тот факт, что определенный артикль, который часто присоединяется к дательному падежу (и, наоборот, как правило, отсутствует в родительном падеже), сам же и является формальным признаком, дифференцирующим эти два падежа.

Действительно, без определенного артикля существительное в дательном падеже употребляется только в особых фразеологических сочетаниях, в застывших выражениях и в некоторых иных функциях, как, например, в функции дательного падежа направления, цели: *gnal jri*, *gnal haci* «идти за водой, за хлебом» и пр. Сюда же можно отнести и случаи, когда существительное в дательном падеже употреблено с неопределенным артиклем *mi* (*ein*, *un*) и неопределенными местоимениями. Во всех остальных случаях его употребление с определенным артиклем является почти закономерностью. Частое употребление дательного падежа новоармянского языка с определенным артиклем было подмечено и Финком: «Дательный падеж имен существительных употребляется почти всегда с одним из указательных суффиксов *s*, *d*, *n* (ə)»³.

Некоторые авторы грамматик новоармянского языка даже полагали, что артикль *n* есть окончание дательного падежа. Так, Дагбашян, описывая в своей грамматике новоармянского языка дательный падеж, пишет, что последний отвечает на вопросы кому? чему? и оканчивается на *n*. Далее он, однако, добавляет: «Когда речь идет о неопределенном предмете, то окончание *n* дательного падежа отпадает» — и приводит пример: *Ays gir-khə es tvi mi ašakeri*⁴. «Эту книгу я дал (одному, некоему) ученику», где существительное *ученик* употребляется с неопределенным артиклем *mi* «один» (*ein*).

Этот факт использования определенного артикля в качестве окончания для дательного падежа был подмечен и Л. Мсерянцем, который пишет следующее: «Армянская народная, живая речь, унаследовав из общеоармянского языка утрату формального различия между родительным и дательным, нашла, однако, способ, благодаря которому формы, имевшие

¹ Термином «ашхарабар» именуется современный армянский язык в отличие от «грабара» — древнеармянского языка.

² М. Абегиан, Теория армянского языка, Ереван, 1931, стр. 352.

³ F. N. F i n s k, Lehrbuch der neuostarmenischen Literatursprache, Vagarschapat—Marburg, 1902, стр. 40.

⁴ А. С. Дагбашян, Грамматика восточноармянского ашхарабара, ч. I, Тифлис, 1913, стр. 40.

значение дательного, дифференцировались известным образом. В общих чертах это различие может быть объяснено на примерах из „восточного“ новоармянского литературного языка. Здесь дательный отличается от родительного тем, что замыкается посредством *n* (одна из старых указательных частиц), за исключением тех случаев, когда стоящее в дательном падеже слово имеет неопределенный характер...»¹.

Так определенный артикль *n* стал постепенно осознаваться как своеобразная флексия дательного падежа, как формальный признак, отличающий его от родительного. И действительно, стоит только к форме родительного падежа новоармянского языка прибавить определенный артикль, как он воспринимается как дательный. Например, в предложении *Zoravarı hratan ekav* «Пришел приказ командира» существительное *zoravarı* «командир» стоит в родительном падеже без определенного артикля. Но если мы к этому существительному прибавим определенный артикль, то смысл всего предложения изменится: *Zoratarın hratan ekav* «Пришел приказ к о м а н д и р у». Здесь существительное *zoravarın* «командир», благодаря наличию у него определенного артикля *n*, воспринимается как стоящее в дательном падеже, в результате чего меняется и все значение этого предложения.

Приведем другие примеры. В современном армянском языке сохранились целые выражения (отрывки из народных песен, сказок), где у существительных в родительном падеже реликтивно сохранился определенный артикль. Например: *Es jin em jiavorin, voski athot em thagavorin*. Первоначально это предложение имело значение «Я лошадь наездника, я золотой трон царя». Существительные *наездник* и *царь*, которые являются определениями в родительном падеже, употреблены здесь с определенным артиклем. Это выражение в таком виде дошло до нас с тех времен, когда родительный падеж еще употреблялся с определенным артиклем². Однако родительный падеж с определенным артиклем на данном этапе развития языка уже осмысливается как дательный, поэтому все предложение теперь получило значение иное, а именно: «Я лошадь наезднику (кому?), я золотой трон царю (кому?)». Эти и подобные примеры могут служить доказательством выдвинутого положения о превращении определенного артикля новоармянского языка *n* в формальную частицу, служащую для дифференциации дательного падежа и родительного.

Можно привести и другие факты, которые показывают, как появление определенного артикля у существительного в родительном падеже переосмысливает все предложение, а в некоторых случаях образует и устойчивые словосочетания, качественно отличающиеся от таких же сочетаний слов, в которых существительное употреблено без определенного артикля. В новоармянском языке существует послелог *pes* «наподобие, подобно, как», который управляет родительным падежом³. Имя существительное после этого послелога, как правило, стоит в родительном падеже и поэтому без определенного артикля. Например: *mardu pes* «наподобие человека». Могут быть и случаи, когда с послелогом *pes* употребляется неопределенная форма глагола (инфинитив), которая в армянском языке может склоняться, а также получить определенный артикль. При употреблении с послелогом *pes* инфинитив не получает определенного артикля по той причине,

¹ Л. Мсерянц, Этюды по армянской диалектологии, часть II, вып. 1, М., 1901, стр. 119—120.

² Случаи употребления родительного падежа с определенным артиклем в новоармянском литературном языке, как показали примеры, встречались еще в конце XIX в.

³ Первоначально он являлся именем существительным. В грабаре это слово обозначало «подобие».

что стоит в родительном падеже. Например: *grelu pes* (буквально: «наподобие писания»). В некоторых случаях инфинитив с послелогом *pes* все же получает определенный артикль. Но как только он получает определенный артикль, он тотчас же перестает осмысливаться как родительный падеж и теряет свое обычное значение «наподобие чего-то». Получив определенный артикль, сочетание послелога *pes* с инфинитивом образует специфическую конструкцию, выражающую непосредственную последовательность двух действий. Значение это оно получает именно благодаря появлению определенного артикля *n*. Например: *Tun galun pes skseçi patrastvel* «Как только пришел домой, стал готовиться...». *Ergə verjaçnelun pes caphaharuthyunner lsvēgin* «Как только кончил песню, слышались аплодисменты».

В этих предложениях инфинитивы употреблены с определенным артиклем *n*, в результате чего послелог уже не выражает обычного значения «наподобие чего-то», а образует в сочетании с инфинитивом оборот, означающий «как только». Такое значение эти выражения получили потому, что определенный артикль дифференцировал форму родительного падежа, обычную для послелога *pes*, и дательного, благодаря чему обычное сочетание слов, каким являлось сочетание послелога *pes* с родительным падежом, превратилось в словосочетание *pes* с дательным падежом. В тех же случаях, где отсутствует определенный артикль, послелог *pes* во всех своих сочетаниях с родительным падежом означает просто «наподобие чего-то». Например: *Aprum ē thagavori pes* «Живет как царь». Значения последовательности двух действий здесь уже нет. Можно привести и другие доказательства, подтверждающие то положение, что определенный артикль *n* является, кроме всего прочего, еще и своего рода флексией для дательного падежа.

Выше было сказано, что в родительном и дательном падежах разные формы имели главным образом местоимения. Так, например, указательные анафорические местоимения *sa, da, na* в древнеармянском языке для родительного падежа имели формы *sora, dora, nora*, а для дательного — *sma, dma, nma*. В дальнейшем формы дательного падежа *sma, dma, nma* исчезли, остались только формы родительного падежа, которые одновременно выражали и значение дательного падежа. Таким образом, произошла унификация форм дательного и родительного падежей. Однако процесс развития языка шел дальше, в результате чего появилась новая тенденция противоположного характера, а именно, тенденция распада формы этих двух падежей. И вот, уже в новоармянском языке, формы родительного падежа *sora, dora, nora* (подвергшиеся стяжению и превратившиеся в *sra, dra, nra*) стали снова выражать только значение родительного падежа, т. е. получили свою первоначальную функцию, а для дательного падежа стали употребляться формы *sran, dran, nran*, поскольку *n* стал восприниматься как флексия, показатель дательного падежа. Таким образом, и в этом случае произошла дифференциация дательного падежа и родительного и опять-таки при помощи артикля *n*. По мнению М. Абеяна, это конечное *n* в местоимениях *sran, dran, nran* не является в сущности своей определенным артиклем, который обычно прибавляется к дательному падежу имен существительных для отличия от родительного, а является своего рода именной падежной флексией этих местоимений. Это *n* в местоимениях *sran, dran, nran* сохраняется и в других падежах. Например: отложительный *sranic*, творительный *sranov*, местный *sranum* и т. д.

«Следовательно, надо считать, — пишет М. Абеян, — что конечное *an* в формах *sran, dran, nran* является именной флексией, которая прибавлена

к древнейшим формам родительного падежа *sor, dor, nor*¹. Далее М. Абегиан делает вывод, что хотя это конечное *n* само по себе не является определенным артиклем, но на современном этапе языкового мышления уже воспринимается как определенный артикль и выполняет роль артикля, а для дательного падежа — тем самым и роль своеобразной флексии. Точно так же и ряд имен существительных, имеющих в родительном и тождественном с ним дательном падежах окончание *an*, в результате процесса дифференциации этих падежей посредством определенного артикля *n* стали в родительном падеже постепенно терять это окончание, а в дательном, наоборот, прочно удерживать его. Например, известно, что конечное *n* у существительных *aġkan, orvan, tarvan* (формы родительного-дательного падежей существительных *aġik* «девушка», *or* «день», *tari* «год») не является определенным артиклем, однако когда эти существительные сейчас употребляются в родительном падеже, то это конечное *n* отпадает: *Es vereri ays aġka girkhə* «Я взял книгу этой девушки». Здесь существительное *aġka* «девушка» стоит в родительном падеже и теряет свое конечное *n*. Но в предложении *Es tvi girkhə ays aġkan* «Я дал книгу этой девушке» существительное *aġkan* «девушка» стоит в дательном падеже и сохраняет свое конечное *n*. Таким образом, если формы *aġkan, orvan, tarvan* раньше осмыслились как формы родительного-дательного падежей, то на данном этапе языкового развития для родительного падежа употребительны формы *aġka, orva, tarva*, а для дательного — *aġkan, orvan, tarvan*.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующий предварительный вывод. Когда в процессе развития языка появляется необходимость выражения определенного грамматического значения, язык обычно прибегает к мобилизации внутренних средств, а не к созданию новых форм, хотя и эта возможность вовсе не исключена. Большей частью в языке наличествует тенденция использования старых форм, их переосмысление для выражения нового значения.

Употребление определенного постпозитивного артикля в новоармянском языке в качестве флексии для дательного падежа является одним из случаев такой мобилизации внутренних средств языка для создания новой формы. Здесь фактически имеет место раздвоение функции одной и той же грамматической формы, поскольку старое значение сохраняется при одновременном употреблении этой формы в новом значении. Действительно, определенный артикль *n*, превращаясь в флексию дательного падежа, не потерял своего основного значения — определенности. Об этом свидетельствует, во-первых, его употребление в значении определенного артикля в других падежах и, во-вторых, его отсутствие в дательном падеже в тех случаях, когда существительное в дательном падеже неопределенно, например, имеет неопределенный артикль или неопределенные местоимения. Все это позволяет нам прийти к выводу, что превращение определенного артикля в новоармянском языке в флексию дательного падежа в целях его отличия от родительного падежа находится в стадии своего оформления.

¹ М. Абегиан, указ. соч., стр. 351.